

Наш рейс домой был отложен из-за грозы, которая грохотала и сотрясала маленький терминал. Я оглядел несколько человек, ожидавших последнего рейса. Они представляли собой разношерстную группу, выброшенную вместе превратностями матушки-природы. Некоторые пытались заснуть, неудобно ворочаясь в шикарных креслах аэропорта. Другие вели праздную болтовню со своими товарищами по несчастью на этом современном необитаемом острове. За стойкой регистрации сексапильная блондинка занималась пустяковыми делами, чтобы скоротать время до окончания смены последнего ночного рейса.

Меня зовут Сэм Альбертсон. Я лечу домой после похорон моей бабушки. Моя мама, Джейми, и папа, Джон, взяли меня с собой. Несмотря на то, что я никогда не видел свою бабушку, они считали, что семья должна быть рядом. В свои 18 лет я считала, что это очень несправедливо - тащить меня через всю страну на похороны женщины, о которой я почти ничего не знала.

Служба была бесконечной. Казалось, каждый житель города хотел сказать слова поминовения. В передней части церкви находился большой витраж. Какой-то святой был изображен с поднятыми в благословении руками. А может быть, он выражал ужас перед банальностью жизни, свидетелем которой ему приходилось быть.

Мама и папа напивались в баре маленького терминала. Маме было 45, а папе - 47. Мама была полноватой женщиной, довольно высокого роста - 5 футов 9 дюймов, около 200 фунтов. Я тайком заглядывал в ящик с ее нижним бельем и знал, что ее размер 38D. Когда я вступил в период полового созревания, она превратилась из приятной пухлой авторитетной фигуры в сладострастный секс-символ. Эта женщина с большими сиськами и большой попой была тем образом, который я представлял себе, когда занимался сексом по ночам.

Отец был невысоким крепким парнем ростом около 5 футов 8 дюймов, 220 или около того. Он был успешным владельцем бизнеса и хорошим кормильцем для своей семьи. Мы жили комфортно, если не сказать экстравагантно. Я любила/представляла его.

Я любила его, потому что он был суровым, но любящим символом стабильности. Он давал мне эффективный образ мужественности для подражания.

Я обижалась на него, потому что каждую ночь он ложился в постель с объектом моего подросткового вожделения. Мне было неприятно слышать слабые стоны и визги, которые он извлекал из нее во время их сексуальных игр.

Никто из них не знал, что в самые шумные ночи я прижимался вспотевшим лбом к общей стене наших спален. Я слушал шепот ласк. Я слышал стаккато шлепков плоти о плоть. Я неистово поглаживал свой наливающийся член, подстраиваясь под их ритм. По мере того, как их темп нарастал к неизбежной кульминации, нарастал и мой. Пока папа извергал свое семя в маму, я извергал свое в пару ее испачканных трусиков, которые я взял из корзины.

Теперь они сидели, прихлебывая напиток за напитком. Их головы были близко друг к другу, папа что-то шептал маме на ухо. Она хихикала, как школьница, которой сделали непристойное предложение. Такого рода предложения, которые в одно время возбуждали и пугали ее.

Мамино летнее платье с пуговицами спереди упало между ног, когда она сидела с широко расставленными ногами у барной стойки. Рука отца лежала на ее бедре. Я видел их такими и раньше, пьяными и трогательными. Дома это означало, что я должен занять место вуайериста. Здесь это было просто чертовски неловко.

Некоторые из наших товарищей по несчастью тоже заметили это. Некоторые улыбались со знанием дела. Другие хмурились на публичное проявление сексуальных чувств.

Однажды я прокрался в зал во время их занятий любовью. Я планировал заглянуть в спальню. Просто слушать было уже недостаточно. Я осторожно приоткрыл дверь. Холл был тускло освещен внешним светом дома.

Я был ошеломлен, увидев, что мама вышла из спальни совершенно голая. Ее пухлые груди маняще колыхались, когда она пересекала коридор к ванной. Мой член напрягся.

Она держала полотенце между ног. Она шла, широко расставив ноги, не подозревая, что ее сын наблюдает за этой эротической демонстрацией последствий секса.

Сначала я был в замешательстве. Потом я понял, что она держит папину сперму в своей киске. На широких ногах она прошла в ванную. Она находилась в небольшом алькове напротив их комнаты.

Я едва могла дышать. Я тихонько проскользнула по коридору. Незаметно я заглянула в ванную.

Мама стояла ко мне спиной. Одна нога стояла на закрытой крышке унитаза. Она балансировала, опираясь рукой о стену. В руках у нее было мокрое полотенце. Она мыла свою киску, вытирая остатки сегодняшнего секса. Она слегка покачивалась, совершая это омовение после секса. Она бросила оба полотенца в корзину для белья.

Я держал в руке свой ноющий член. Я смотрел, как она обеими руками приглаживает волосы на своей киске. Они были короткими, но хорошо подстриженными. Затем она запустила палец в свою киску, вытащила его и облизала.

Я застонал, когда спонтанно кончил, проливая свое юношеское семя на пол в коридоре. Задышавшись, я прислонился к стене, чтобы поддержать себя.

Мамина голова слегка наклонилась. Она слышала меня? Я бросилась бежать по коридору в свою комнату. Я едва успела вернуться, как услышала, что она босиком идет по коридору. Я слушал, как закрылась дверь, как скрипнула кровать, когда она вернулась к отцу. Потом тишина.

Я лежал в постели, обильно потев. Мой член все еще был твердым, как гранит. Мое сердце

было во рту. Металлический привкус адреналина заполнил мой рот. Возбуждение от встречи с ней, близость того, что меня чуть не поймали, были выше моих сил. Мое сердце бешено колотилось.

Но я знал, что мне предстоит еще одна поездка. На кошачьих лапках я прокрался по коридору. Я быстро свернула в ванную и закрыла дверь. В корзине для белья будет храниться мой приз.

Я открыла корзину. Они лежали на самом верху. Пропитанное спермой полотенце, которое она держала между ног, и мокрое полотенце, которым она вытиралась. Мокрое полотенце едва удерживало запах, который я хотел. Но сухое полотенце привело меня в нирвану.

Оно все еще было влажным от маминого и папиного сексуального сока. Я поднесла его к носу и глубоко вдохнула. Резкий аромат маминой киски и папиного семени заполнил мои носовые проходы. Я почувствовала легкое головокружение. Одной рукой я балансировал на стене. В моем члене была боль от того, что он так долго был твердым. Он мягко шлепался о мой живот.

Импульсивно я засунул в рот мокрую корочку полотенца. Я усердно сосал их смешанные соки. Сладкий нектар ворвался в мои чувства. Комната кружилась, пока я жадно сосала свой приз.

В другой руке у меня было мокрое полотенце. Я начал поглаживать свой стальной член, используя мокрое полотенце. Я жадно сосал полотенце у себя во рту. Слишком скоро я почувствовал покалывание в заднице, которое перешло на яйца. Оргазм поставил меня на колени. Я был истощен, измучен и покрыт обильной пленкой пота.

Слабо опираясь на унитаз, я с трудом поднялся на ноги. Я усердно жевал полотенце во рту, извлекая последние остатки меда. Неохотно я вынул полотенце изо рта. Я вернул свои призы в корзину.

Много ночей я продрог под звуки их занятий любовью. За эти ночи я научился находить мамины трусики. Иногда папа трахал ее, не снимая их. Я глубоко вдыхал, наслаждаясь запахом мокрой киски и спермы. Затем я добавлял свою сперму к той, что оставил отец. Но это было лучше всего!

Тогда я этого не знал, но много лет спустя я прочитал статью о том, что сыновья всегда вожделеют своих матерей. Большинство мужчин проводят свою жизнь в поисках женщины, которая напоминала бы им маму, чтобы они могли ее трахнуть. Далее в статье говорилось, что царь в "Эдипе Рексе" на самом деле не совершил ошибки, когда взял свою мать в царицы. Он удовлетворял подсознательную потребность превзойти своего отца и обладать своей матерью.

Я не знаю обо всем этом дерьме. Я знал, что должен трахнуть свою мать.

Со своей точки обзора я видел, как отец запустил руку под мамино платье. Она хихикнула и заставила его остановиться. Мой член болел от стеснения в жокейских трусах, когда я наблюдал за их сексуальными играми.

К счастью, они позвонили на наш рейс. Было уже далеко за полночь. Самолет был 727, рабочая лошадка авиакомпаний в те дни. Мы заняли места в последнем ряду. В 727-м это означало тонны пространства для ног на трех поперечных сиденьях. Рейс был заполнен едва ли на треть. Места вокруг нас были пусты.

Мама заняла место у окна, папа - посередине. Я застрял у прохода.

Вскоре после взлета стюардесса раздала одеяла. Она извинилась за задержку и объявила, что они приглушают свет, чтобы пассажиры могли поспать. Я задремал. Когда я проснулся, мамы и папы уже не было. Мне захотелось в туалет, и я пошел на корму в туалет. Когда я вошел в один туалет, папа вышел из другого. Он был явно пьян и едва мог ходить. Меня он не заметил. Я смотрел, как он, пошатываясь, идет по проходу к нашим местам.

Когда я вернулась к нашим местам, отец был укутан с ног до головы в одеяло и громко храпел. Он сидел на моем месте у прохода. Я проскользнула на среднее сиденье, натянула на себя одеяло и задремала.

Я почувствовала, что меня кто-то трясет. Я понял, что мама вернулась на свое место.

"Проснись, Джон, - шипела она, - я хочу играть!".

Я открыл рот, чтобы поправить ее. Но остановился. Я понял, что она подумала, что это был мой отец. Полутьма, смена мест и ее пьяное состояние стали причиной ее ошибки.

"Джон, проснись. Ты сказал, что мы собираемся вступить в клуб "Высота пять миль!"

Я мог слышать разочарование в ее голосе.

"Я снял трусики, она шипела!"

Меня прошиб легкий пот. Неужели я осмелился? Неужели боги инцеста сговорились преподнести мне этот подарок?

Я протянул руку и слегка сжал ее попку. Она восхитительно вильнула ею. Она хотела заговорить, но я заслонил ее. Я не мог позволить ей говорить. Это могло бы начать разговор, и "папа" должен был бы отвечать.

Я потянулся вниз и медленно задрал мамино платье. Я сильно вспотел. Мое сердце билось в груди как молот. Что, если она поймет, что это я? Что, если отец проснется? Ты напуганный ублюдок, сказал я себе. Что, если этот гребаный самолет упадет, пока ты будешь думать о том, что если!

Я погладил ее голую задницу. Я терся о голую задницу моей мамы! Она снова прижалась ко мне. Я подался вперед. Я ввел палец в мамину киску. Влажное тепло было невероятным! Ее куштак был мокрым. Очевидно, сексуальные игры в баре возбудили ее.

Другой рукой я потянулся и сжал ее огромную молочную железу. Резкий вдох был моим сигналом к продолжению. Я начал массировать ее грудь снизу и дошел до соска.

Ее сосок был размером с мой большой палец. Он был твердым от ее страсти. Я медленно перекачивал его между пальцами. Я услышал сibiliанты ее резкого вдоха. Затем ее рука накрыла мою.

Я замер! Поймет ли она, что рука, исследующая сиську, которая когда-то сосала меня, принадлежала ее матке, а не ее мужу? Она убрала руку. Я почувствовал, что ее платье ослабло. Я понял, что она расстегивает оставшиеся пуговицы на этом легкодоступном платье.

<http://erolate.com/book/1590/48531>